

О. В. Фельде, Т. Н. Журавель

ТУВИНСКИЙ ЯЗЫК В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ: ОПЫТ СОЦИОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматривается проблема витальности миноритарного тувинского языка, функционирующего в условиях тесного контакта с русским. Анализ субъективной оценки жизнеспособности тувинского языка дается на материале психолингвистического эксперимента, который был проведен в населенных пунктах Усинской котловины Красноярского края.

Ключевые слова: миноритарный язык, мажоритарный язык, витальность, языковая ситуация, языковая политика, языковой сдвиг, психолингвистический эксперимент.

К числу первостепенных задач отечественной социолингвистики относятся исследования витальности автохтонных языков России, т. е. их способности к выживанию. Особый интерес в этом отношении вызывают коренные языки Сибири, на протяжении длительного времени функционирующие в условиях тесного контакта с русским. В настоящее время наука располагает достаточно большой базой данных об объективных факторах, которые позволяют сделать тот или иной прогноз в отношении будущего языков коренных этносов Алтая, Хакасии, Тувы, Якутии, Крайнего Севера, Красноярского края и Тюменской области. Есть сведения о коммуникативной мощности большинства миноритарных языков Сибири, о сферах их употребления и тех особенностях языковой политики, которые определяют характер языковой ситуации в различных регионах Сибири [1, 2]. Большой вклад в изучение объективных условий «выживаемости» миноритарных языков Сибири внесли Т. Г. Боргоякова [3, 4], А. А. Бурыкин [5, 6], Н. Б. Вахтин [7, 8] и некоторые другие ученые. Однако в обширном круге социолингвистических работ по-прежнему недостает исследований субъективных факторов, которые оказывают существенное влияние на степень витальности языков. Особенно актуален сегодня вопрос об отношении коренных народов Сибири к родному языку, о приверженности этнической группы к языку своих предков. Решение этого вопроса напрямую связано с необходимостью предотвратить языковой сдвиг (термин Дж. Фишмана), т. е. замедлить или исключить процесс перехода с родного языка на язык большинства. Очевидно, что витальность языка и языковой сдвиг находятся в оппозиции: чем выше витальность, тем меньше опасность языкового сдвига и утраты родного языка этнокультурной общностью. Причины языкового сдвига до сих пор окончательно не установлены. Например, английский социолингвист Д. Кристал напрямую связывает судьбу языков с судьбой народов, которые на них говорят. По мнению этого ученого, жизнеспособность языка повышается за счет политических и военных успехов на-

ции [9]. Это, безусловно, верно, однако данный подход к проблеме все же не объясняет условия и причины коллективного выбора мажоритарного языка. Современные исследования показали, что коллективный выбор языка обусловлен многими факторами. Среди них и статус языка, его престиж в глазах этнической группы, и приверженность носителей к родному языку (*language loyalty*), и эффективность мер государственной поддержки того или иного языка, и многие другие социальные, психологические, культурологические факторы.

Измерению витальности языка посвящены работы таких лингвистов, как Х. Джайлс, Р. И. Бурис, Д. М. Тейлор и др. Оценка степени витальности производится этими учеными по ряду объективных параметров, среди которых демографическое состояние группы, ее институциональная поддержка, статусный фактор и др. [10]. В частности, измерению этнолингвистической витальности посвящена одна из статей эстонского лингвиста М. Эхалы. Основываясь на положении, что вышеуказанные объективные факторы влияют на жизнеспособность языка лишь косвенным образом, М. Эхала приходит к следующему выводу: «Какая бы ни была реальность, если членам группы кажется, что их группа бесперспективна, то они ведут себя одинаково, меняя язык, независимо от численности этой группы, статуса и прочих объективных факторов». На основании данного положения ученый выстраивает модель измерения этнолингвистической витальности в виде отношений между четырьмя переменными: 1) осязаемая силовая разница между внутренней группой и ее наиболее заметной внешней группой (*perceived strength differential, PSD*); 2) уровень диссонанса между группами (*the level of inter-group discordance, D*); 3) осязаемая межгрупповая дистанция (*perceived inter-group distance, R*) и 4) уровень утилитаризма в системе ценностей определенной группы (*the level of utilitarianism, U*) [11].

Основная проблема предлагаемой М. Эхалой модели заключается в том, что ученый не предлагает методик измерения выведенных переменных.

Следовательно, данную модель можно рассматривать только лишь как проект, но не как полноценный инструмент изучения степени витальности языка.

Еще одна проблема измерения витальности заключается в игнорировании такого мощного фактора, как субъективное отношение к языку самих носителей. Однако еще в 1971 г. Дж. Фишман совершенно справедливо заметил: «Многие из наиболее популярных факторов, которые якобы влияют на поддержание или утрату языка, действуют, как было доказано, в обе стороны в различных контекстах либо вообще не играют никакой серьезной роли в более широком контексте» [12]. Эту идею Дж. Фишмана убедительно доказывает бурятская исследовательница Э. Б. Хилханова, сравнивая степень витальности четырех языков Российской Федерации. Результат этого сравнения представлен в табл. 1.

Т а б л и ц а 1
Степень витальности четырех языков РФ

Пример языка	Иврит	Ненецкий язык	Чеченский язык	Ирландский язык
Объективные факторы	+	-	-	+
Субъективные факторы	+	-	+	-
Миноритарные языки, языковая ситуация	+	-	+	-

Как видно из табл. 1, сочетание одних и тех же объективных факторов может привести к разным результатам. Это противоречие снимается, если к объективным факторам добавить субъективные, внутригрупповые. К таковым Э. Б. Хилханова относит оценочные установки самой этнической группы по отношению к языку, ведущие к желанию или нежеланию учить его и передавать следующим поколениям [13]. Действительно, если сам этнос решает, что выгоднее или престижнее говорить на языке большинства, то процесс языкового сдвига набирает темп, и, наоборот, языковой сдвиг можно замедлить, а возможно, и остановить, если носители миноритарного языка осознают его национально-культурную ценность.

Изучение языковой жизнеспособности и языкового выбора с точки зрения субъективных параметров началось недавно. К примеру, «Вопросник по субъективной жизнеспособности» (Subjective Vitality Questionnaire) был издан в 1981 г. В отечественной лингвистике о значении субъективных оценок

заговорили только в начале 2000-х гг. Так, на важность учета субъективных оценок витальности языка указывали Н. Б. Вахтин и Е. В. Головкин: «Из двух типов этноязыковой жизнеспособности субъективная оказалась значительно полезнее как инструмент исследования», так как «в межгрупповые отношения группа вступает именно как носитель субъективной этноязыковой жизнеспособности» [14]. Исследования последних лет убедительно доказывают, что функционирование и развитие конкретного языка во многом зависит от субъективных факторов, например от выбора родного языка ребенка матерью, от осознанного выбора индивидом родного и второго языка в различных речевых ситуациях [15]. Таким образом, измерение этнолингвистической витальности необходимо проводить с двух позиций – объективной и субъективной.

Объектом данного исследования является тувинский язык, функционирующий на территории Красноярского края. На сегодняшний день в крае насчитывается около 1 500 тувинцев. При этом численность этноса остается стабильно низкой на протяжении последних 40 лет. Большинство из них проживают в г. Красноярске (более 500 человек – главным образом учащаяся молодежь) и в сопредельном с Тувой Ермаковском районе (около 400 человек). Показатель владения родным языком очень высок и составляет 92,6% [16].

На юге Красноярского края, в Усинской котловине, тувинцы проживают компактно в населенных пунктах с. Верхнеусинское, с. Нижнеусинское, д. Усть-Золотая, пос. Маралсовхоз. Эти населенные пункты отличаются смешанным этническим составом, что обусловлено историческими причинами. Усинская котловина – это место длительного совместного проживания русских и тувинцев. По данным историка-востоковеда В. Г. Дацышена, русские живут в данном районе с середины XIX в., и вплоть до начала XX в. практически не фиксировались факты смешения или даже сближения двух народов [17]. Однако в течение XX в. ситуация резко изменилась. Национально-языковая политика СССР в отношении усинских тувинцев не предполагала полной русификации данной этнической группы, но была направлена на формирование у нее билингвизма. В с. Верхнеусинское был создан интернат для тувинских детей, где велось обучение как русскому, так и тувинскому языкам. Ситуация билингвизма в Усинской котловине оказалась достаточно устойчивой и сохранилась до сих пор, однако синхронический срез современной языковой ситуации в исследуемом регионе показывает следующую картину: межнациональные браки стали довольно частым явлением, сфера религии утратила свою значимость как для русского, так и для

тувинского населения. В сфере образования тувинский язык теряет свои позиции. В данный момент единственная сфера активного функционирования тувинского языка – это сфера семейно-бытового общения. В таких условиях сохранение или утрата миноритарного языка целиком зависит от усилий самой этнической группы, от желания или нежелания усинских тувинцев говорить на родном языке и передавать его своим детям. Именно поэтому оценка витальности языка самими жителями Усинской котловины представляется особенно важной.

Основным методом изучения оценочных установок по отношению к языку является опрос. Однако опрос зависим от социальных и морально-этических установок. То есть, заполняя анкету, респонденты часто стремятся дать «правильный» ответ – тот, который от них «ожидает» исследователь или социум. В этом заключается одна из главных «помех» опроса. Эту «помеху» можно частично снять, если обратиться к этнопсихолингвистическим методам, в частности к методу незаконченных предложений. Испытуемым было предложено закончить предложения, начинавшиеся словами «В настоящее время тувинский язык...» и «В будущем тувинский язык...». Такое задание не требует от респондента высказывать свое отношение к языку, ему просто предлагается оценить состояние тувинского языка в настоящем и сделать прогноз на будущее.

В результате эксперимента, проведенного авторами статьи в 2011 г. в с. Верхнеусинское, был получен 121 ответ от 43 тувинских и 78 русских респондентов. Все ответы были распределены по оценочным регистрам: негативный, нейтральный, положительный. Результат этого распределения представлен в табл. 2 и 3.

Т а б л и ц а 2
Оценки витальности тувинского языка (ТЯ)
тувинскими респондентами

Оценочный регистр	ТЯ в настоящем	ТЯ в будущем
Отрицательные оценки	6	12
Нейтральные оценки	7	5
Положительные оценки	8	5

Т а б л и ц а 3
Оценки витальности ТЯ русскими респондентами

Оценочный регистр	ТЯ в настоящем	ТЯ в будущем
Отрицательные оценки	21	18
Нейтральные оценки	19	12
Положительные оценки	3	15

Как видно из табл. 2, тувинцы достаточно пессимистично оценивают возможность сохранения родного языка в будущем – количество отрица-

тельных оценок значительно превышает количество нейтральных и положительных, в то время как оценки состояния тувинского языка в настоящем распределились между регистрами равномерно, с небольшим преобладанием положительных оценок. Русскоязычные респонденты склоняются к тому, что тувинский язык утрачивает свои позиции в настоящем и этот процесс продолжится в будущем, вплоть до полной утраты усинскими тувинцами родного языка.

Внутри оценочных регистров можно произвести дальнейшую градацию по степени выраженности той или иной оценки. Так, среди негативных прогнозов относительно положения тувинского языка в будущем четко разделяются мнения о полном исчезновении языка из Усинской котловины и о значительном сокращении сфер его функционирования. К первой группе можно отнести ответы типа «В будущем тувинский язык совсем перестанет существовать», а ко второй группе ответы типа «В будущем тувинский язык исчезнет из Усинской школы» или «В будущем тувинский язык будет редкостью». Некоторые респонденты объясняют свои прогнозы нежеланием тувинцев учить родной язык и говорить по-тувински с детьми. Крайне пессимистичных оценок больше, чем умеренно пессимистичных: об исчезновении языка говорит больше людей, чем о сокращении его функционирования.

Негативные оценки состояния тувинского языка различаются в зависимости от этнической принадлежности респондента. У тувинцев положительных оценок немного больше, чем отрицательных, а у русских, наоборот, отрицательные оценки значительно превышают положительные. Основное объяснение недостаточного употребления тувинского языка в настоящем респонденты связывают с сокращением его преподавания в школе. Для русских – сторонних наблюдателей – это означает скорую «гибель» языка, в то время как сами носители языка относятся к постепенному исчезновению родного языка из школы более сдержанно. Видимо, уверенность в сохранении языка в пределах семейно-бытового общения позволяет усинским тувинцам считать, что в настоящем нет угрозы исчезновения их языка.

Нейтральных оценок витальности тувинского языка довольно много, причем их дают как русские, так и тувинские респонденты, и относятся они и к настоящему, и к будущему языку. В основном это ответы, указывающие на реальные факты существования языка и не имеющие оценочной составляющей. Это ответы типа «тувинский язык – родной язык тувинцев» или «тувинский язык не преподается в русских школах». Также к нейтральным оценкам витальности языка стоит, по мнению авторов, отнести такие, в которых русский респондент

высказывает свое личное отношение к тувинскому языку, например: «тувинский язык не нужен мне» или «тувинский язык не особо значительный для меня». В нейтральную группу оценок попали и высказывания должностования, вроде «тувинский язык должен распространяться, и тувинцы, уезжая, не должны забывать его».

Давая положительную оценку современного состояния тувинского языка, его носители фиксируют внимание на том факте, что язык используется всеми тувинцами. Это ответы типа «в настоящее время тувинский язык изучают все тувинские люди» или «в настоящее время тувинский язык знают дети и взрослые» и т. п. Немногочисленные русские положительные оценки даны в том же ключе. Будущее тувинского языка выглядит оптимистичным для сравнительно небольшого количества респондентов. Позитивно оценили будущее тувинского языка 5 из опрошенных тувинцев и 15 русских. При этом тувинские респонденты дают нереалистичные прогнозы: «в будущем тувинский язык будет самым распространенным» или «в будущем тувинский язык станет самым распространенным в России и за рубежом». Пожалуй, такие ответы можно отнести к разряду высказываний-желаний, не подкрепляемых реальными фактами, и лишь одно предложение звучит как действительно оптимистичный прогноз: «в будущем тувинский язык бу-

дет всегда. Если потеряем язык, потеряем нацию». Русские респонденты высказывали надежды на то, что тувинский язык вновь обретет утраченные им функции («в будущем тувинский язык будет введен в школьное обучение», «в будущем тувинский язык будут знать все тувинцы») и получит дальнейшее распространение («в будущем тувинский язык будет распространен»).

Сравнительный анализ оценок витальности тувинского языка представителями контактирующих народов позволяет утверждать, что многие русские и русскоязычные респонденты верят в сохранение и даже развитие тувинского языка в Усинской котловине Красноярского края. Тувинское же население района настроено более пессимистично. В первую очередь это связано с тем, что тувинский язык с недавнего времени перестал преподаваться в школах. Он сохраняется в настоящее время только в обиходно-разговорной практике [18]. Конечно, постепенное вытеснение исследуемого языка из образования негативным образом сказывается на его престиже среди усинских тувинцев. Опрос показал желание самих тувинцев сохранить родной язык, однако без конкретных усилий как самих тувинцев, так и районных властей этот потенциал языковой витальности не сможет себя реализовать, что в конечном итоге может привести к полной утрате тувинского языка в Красноярском крае.

Список литературы

1. Алпатов В. М. Языковая ситуация в регионах современной России // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). URL: <http://forum.freekalmykia.org/index.php?showtopic=802>
2. Felde O. V. The ethno-linguistic situation in the Krasnoyarsk territory at the beginning of the third millennium // Журнал Сибирского федерального университета. 2011. Т. 4, № 7. С. 919–929.
3. Боргоякова Т. Г. Миноритарные языки: проблемы сохранения и развития: учеб. пос. для студентов филол. и лингвист. факультетов вузов. Абакан: ХГУ, 2001. 159 с.
4. Боргоякова Т. Г. Социолингвистические процессы в республиках Южной Сибири / науч. ред. В. А. Виноградов; Рос. академия наук, Ин-т языкознания, Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова; Ин-т языкознания, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. Абакан: ХГУ, 2002. 264 с.
5. Бурькин А. А. Коренные народы Тюменской области и некоторые общие проблемы изучения культур и социумов коренного населения в полиэтничных регионах // Культурное наследие Тюменской области: мат-лы науч.-практ. конф. «Культурогенез и проблемы актуализации культурного наследия народов Тюменской области», 20 апреля 2007 г., г. Тюмень / отв. ред. Ю. В. Ларин; Департамент образования и науки Тюменской области, ФГОУ ВПО «ТГАКИ», Лаборатория регионалистики. Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2007. Ч. 2. С. 5–8.
6. Бурькин А. А. Региональная специфика языковой ситуации в субъектах Российской Федерации // Проблемы двуязычия (многоязычия) в современном социокультурном пространстве: материалы науч.-практ. конф., г. Якутск, 27 февраля 2007 г. Якутск, 2007. С. 119–131.
7. Вахтин Н. Б. Языки народов Крайнего Севера // Вестн. РАН. 2004. Т. 74, № 4. С. 301–309.
8. Вахтин Н. Б. Условия языкового сдвига (к описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) // Вестн. молодых ученых. 2001. № 1. С. 11–16.
9. Crystal. D. English as a global language. Cambridge: CUP, 1997. 229 p.
10. Giles H., Bourhis R. Y., Taylor D. M. Towards a theory of language in ethnic group relations // Language, Ethnicity and Intergroup Relations. L.: Academic Press, 1977. P. 307–348.
11. Эхала М. Измерение этнолингвистической витальности // Язык и общество в современной России и других странах: доклады и сообщения. М.: Ин-т языкознания РАН, 2010. С. 84–87.
12. Fishman J. A. The sociology of language // Advances in the Sociology of Language. The Hague: Mouton, 1971. Vol. 1. P. 450–475.

13. Хилханова Э. Б. Факторы коллективного выбора языка и этнокультурная идентичность у современных бурят. Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2007. 205 с.
14. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия»; Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
15. Кобенко Ю. В. Роль языкового выбора в развитии титульного языка // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 3 (105). С. 162–165.
16. Тувинцы // Этноатлас Красноярского края. URL: http://www.krskstate.ru/society/nations/etnoatlas/0/etno_id/111
17. Дацышен В. Г. Тувинское население Усинского пограничного округа Енисейской губернии. Из истории русско-тувинских отношений // Новые исследования Тувы. 2009. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/465-dasishen.html
18. Журавель Т. Н. Сферы функционирования тувинского языка в Усинской котловине Красноярского края // Миноритарные языки в поликультурном пространстве России. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2011. С. 16–19.

Фельде О. В., доктор филологических наук, профессор.

Сибирский федеральный университет.

Пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия, 660041.

E-mail: feldeo@list.ru

Журавель Т. Н., аспирант.

Сибирский федеральный университет.

Пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия, 660041.

E-mail: zhuravel_petamal@mail.ru

Материал поступил в редакцию 06.06.2012.

O. V. Felde, T. N. Zhuravel

THE TUVINIAN LANGUAGE IN KRASNOYARSK REGION: THE SOCIOPSYCHOLINGUISTIC RESEARCH

The article deals with the problem of vitality of Tuvian language as a language of minority, which is functioning, in close contact with Russian. The analysis of subjective and objective assessment of Tuvian language vitality is given with the help of psycholinguistic experiment which has been taken in the Usinsk Valley settlements placed on the south of Krasnoyarsk region.

Key words: *language of minority, language of majority, vitality, language situation, language policy, language shift, psycholinguistic experiment.*

Felde O. V.

Siberian Federal University.

Pr. Svobodny, 79, Krasnoyarsk, Russia, 660041.

E-mail: feldeo@list.ru

Zhuravel T. N.

Siberian Federal University.

Pr. Svobodny, 79, Krasnoyarsk, Russia, 660041.

E-mail: zhuravel_petamal@mail.ru